

себѣ, какъ о «христіанскомъ Движеніи», то совершаемъ нѣкоторое тожесловіе, потому что нельзя оставаться неподвижнымъ въ христіанствѣ. Оно должно быть вдохновеннымъ порывомъ, творческимъ движеніемъ, устремленіемъ изъ храма за храмъ, къ будущему, которое есть, согласно христіанскимъ обѣтованіямъ, явленіе «новаго неба и новой земли, въ нихъ же правда живетъ». Къ этому исходу и исполненію стремится міръ, и

христіанская церковь движется навстрѣчу къ Грядущему Христу. И напряженностью и искренностью этого движенія опредѣляется дѣйствительная мѣра и нашего вхожденія въ храмъ, нашей храмовой церковности, которая ищетъ излиться на весь міръ и затопить его въ этомъ разливѣ. Да будетъ же наше «Движеніе» причастно этому всехристіанскому движенію!

Протоіерей С. Булгаковъ.

Этюды о русской культурѣ.

ЭТЮДЪ I. — БЛОКЪ И РОССИЯ.

(Эсхатологія любви).

Философія культуры и исторіи съ трудомъ переносятъ отвлеченныя умствованія, хотя бы самыя оригинальныя и острыя. Здоровый инстинктъ полноты бытія вызываетъ жгучую потребность въ конкретностяхъ и лишь воплощенныя идеи владѣютъ сердцами и умами въ полной мѣрѣ. Задумавъ рядъ краткихъ этюдовъ о сущности и судьбахъ русской культуры, мы рѣшили исходить изъ живыхъ образовъ, выражающихъ ея судьбы и боренія, изъ ея подлинныхъ дѣйствующихъ лицъ — *personae dramatis*. Въ силу совершенно особыхъ, въ значительной своей части, сверхразумныхъ причинъ пять человѣкъ оказались носителями и живыми олицетвореніями послѣднихъ судебъ дореволюціонной русской культуры: Достоевскій, Федоровъ, Лѣсковъ, Чайковскій, Блокъ*). Мы нач-

немъ съ послѣдняго, такъ какъ здѣсь еще все современно, такъ какъ здѣсь свѣжая рана, изъ которой безпрестанно сочится кровь.

Мы сразу начинаемъ съ существа дѣла. Мы ставимъ вопросъ: кого видѣлъ Блокъ въ образѣ Прекрасной Дамы и гдѣ корни его софіологической (истинной или ложной) символики?

Давно можно считать установленной непререкаемость непосредственнаго вліянія въ этой области Вл. Соловьева на Блока. Однако, заключать изъ наличности этого вліянія о тождествѣ символическихъ образовъ Вл. Соловьева и А. Блока было бы болѣе чѣмъ произвольно. Біографическія изслѣдованія говорятъ намъ только объ одномъ: — эротическая стихія у обоихъ является живымъ вдохновителемъ символики. Совсѣмъ другое дѣло образъ. Образы изначально и ниоткуда не могутъ быть выведены. Они — дѣло рукъ Творца или той стороны человѣка, которой онъ своимъ творчествомъ уподобляется Творцу. Об-

*) Достоевскій проводитъ въ своемъ творчествѣ идею революціоннаго надрыва, трагическаго конфликта — личнаго и соціально-государственнаго. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ здѣсь является многоликая свобода. Трагическая діалектика свободы — это основная тема философіи русской исторіи и культуры, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и основная тема Достоевскаго — величайшаго русскаго философа. Федоровъ являетъ образъ просвѣтленной соціальной эсхатологіи въ духѣ эзотерическаго православія живущаго въ тайникахъ русскаго духа. Лѣсковъ — поэтъ священнаго русскаго быта и его мытарствъ, поэтъ

творимой легенды русской жизни. Чайковскій — отразилъ идею рока и смерти въ прекрасномъ образѣ приговоренной къ смерти дворянской культуры. Блокъ — символическое олицетвореніе трагической эротики, безъ которой нѣтъ культуры. Тема Блока — связана съ темой смерти и рока.

разъ сверхэротичень и надэротичень. Онъ является не субъектомъ, а объектомъ эротики.

Но безмолвствуетъ пышно чиста

Молодая владычица сада,

Только пѣснѣ нужна красота,

Красотѣ же и пѣсень не надо.

— говоритъ Фетъ. Какъ это ни парадоксально, но можно утверждать зараженность Блока Соловьевской эротической лирикой и лирическимъ истолкованіемъ образа — ибо это дѣло субъективное. Но Блоку дано было видѣть подлинники — не въ примѣръ Вл. Соловьеву, находившемуся въ состояніи непрекращающаго субъективнаго самоослѣпленія. Конечно, и Блокъ часто срывался, падалъ, видѣлъ ложныхъ и обманчивыхъ двойниковъ, его томили блуждающіе огни, заводившіе его въ невылазную трясину или въ область вѣчной полярной стужи. Временами можно было сказать про него словами Гете изъ «Фауста»

Betrug war alles, Lug und Schein.

(Все было тутъ обманъ, ложь и видимость).

Но за всѣмъ этимъ явно, или тайно свѣтила «звѣзда надзвѣздная». Онъ рвался къ ней и этотъ страдальческій страстный порывъ, прекрасное, благородное томленіе и есть внутренняя музыка его поэтического лица, хотя сама личность его, какъ духовная категорія, все время трепетно колебалась на границѣ бытія и небытія.

Дорого обошлась Блоку внутренняя правда его творчества! Въ чемъ же эта правда и какъ сказать о ней правдивое слово?

Всѣ парадоксы и всѣ загадки творчества Блока находятъ естественный путь своего разрѣшенія, если мы софійный образъ его эротическихъ влеченій, томленій и исканій поймемъ, какъ многообразіе русскаго лица, видѣніе образа «эйдоса» Россіи въ ея сокровенной красотѣ — какъ непорочной, такъ и падшей.

Отсюда и явленіе величественной и пе-

чальной темы — сходства и полного совпаденія судьбы Блока и дореволюціонной Россіи. Судьба Блока — словно зеркало и символъ судьбы Россіи.

Это сходство и совпаденіе, это странное взаимоотраженіе — доказательство того, что Блокъ дѣйствительно избранникъ, что онъ не только великій поэтъ, но и отмѣченный перстомъ судьбы глашатай ея тайнъ.

Эротика не создаетъ образовъ, она только открываетъ ихъ и узнаетъ. Въ любви такъ же, какъ въ знаніи основную роль играетъ таинственный феноменъ припоминанія, Платонова «анамнесиса». Онтологическій корень анамнесиса есть уже упомянутая изначальность образовъ. Отсюда — идея предсуществованія (върнѣе — пресуществованія), столь вульгаризованная, оплошленная и оболганная улично - салонной «теософіей». Въ любви, такъ же какъ и въ знаніи, центральнымъ моментомъ является тотъ ослѣпительный, солнечный мигъ, когда торжественно, хотя и въ сокровеннѣйшей тишинѣ сердца, возглашается старинная формула Упанишадъ:

«Это — ты!».

Но это солнце знанія и любви окутано тяжелыми, мрачными тучами. Метеорологія знаетъ явленіе, называемое «ложными солнцами», которое бываетъ въ холодные, туманные дни. Такъ и здѣсь, ложные солнца несуществующихъ объектовъ, миражные встрѣчи съ призраками, блужданіе среди грозovýchъ свинцовыхъ тучъ — все это трагедія любви и знанія, томительные поиски подлинника, заслоненнаго миражами небытія и полубытія. Такой трагедіей является исторія философіи, въ которой мысль лишь съ величайшимъ трудомъ пробивается къ своему истинному солнцу, Солнцу Правды — къ богословію Логоса. Такой трагедіей является и философія культуры, съ многими бореніями и мучительнымъ томленіемъ пробивающаяся къ узрѣнію подлиннаго лица своей страны, своего наро-

да. И какъ часто первый моментъ этого узрѣнія совпадаетъ съ отходомъ этого лика въ вѣчность, въ тѣ «поля», въ тѣ таинственныя мѣста Гетевскихъ «матерей», куда послѣдовать можно, лишь самому уйдя «безъ возврата» въ вѣчность, т. е. умеревъ. Мало того, само узрѣніе подлинника есть уже смерть, или во всякомъ случаѣ оно смертоносно и ранитъ сердце неисцѣлимою язвою. До узрѣнія — несказанное томленіе и тоска. Въ моментъ узрѣнія — смерть и переходъ въ вѣчность. А если этого не случится, наступаетъ самое худшее: постороннее исчезновеніе возлюбленнаго и узнаннаго лика, стертаго рукой пошлости. Такова тема «Комедіи Любви» Ибсена. Въ этой геніальной пьесѣ наилучшимъ исходомъ для любящихъ является разлука на вѣки въ моментъ узнанія другъ друга. Блокъ, узнавъ, кто его Прекрасная Дама и увидѣвъ ее. — умеръ. И возлюбленная его тоже умерла.

Тайна эротики Блока — это любовь къ Россіи черезъ женщину, эротическое достиженіе Россіи.

«Россія, нищая Россія,
Мнѣ избы сѣрыя твои,
Твои мнѣ пѣсни вѣтровыя,
Какъ слезы первыя любви».

Въ этомъ четверостишіи стихотворенія, появившагося въ переломный періодъ 1908 года, надо искать разгадки всего творчества Блока и вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь раскрываются послѣднія тайны эротической любви и ея преображеннаго натурализма.

Чувство родины, страны жениховъ и невѣстъ, отцовъ и матерей, несомнѣнно коренится въ особаго рода натурализмѣ. Однако, этотъ натурализмъ, подобно той землѣ «персти», изъ которой былъ созданъ Адамъ, таинственно прорастаетъ въ особый, только свойственный данной странѣ обликъ, который черезъ освященіе духовнымъ началомъ, «формой», о которой

говоритъ Гильбертъ Порретаній, сообщаетъ безликой стихіи неповторимыя, единственныя и потому драгоценныя и возлюбленныя черты*). Эта форма, этотъ ликъ есть промежуточная, переходная ступень между натуральной матеріей и горнимъ міромъ идей — эйдосовъ — извѣчно укорененныхъ въ Божественномъ умѣ и пребывающихъ въ надмірномъ покоѣ. Онѣ то и являются творческимъ замысломъ Божиимъ о твари, о мірѣ и о тѣхъ соборныхъ многоединыхъ сущностяхъ, которыя мы называемъ націями и культурами. Каждая изъ нихъ имѣетъ собственную форму неповторимаго лика и образъ собственного пути въ исторіи. Съ большою чуткостью Шпенглеръ установилъ идею исторической морфологіи, т. е. узрѣнія и опредѣленія неповторимыхъ и оригинальныхъ особенностей данной націи, данной культуры.

Однако, никакое самое точное и послѣдовательное описаніе не можетъ и отдаленно сравниться съ той правдой о своей странѣ, которую даетъ о ней эротическое узрѣніе. Родная страна, родной народъ есть прежде всего народъ жениховъ и невѣстъ. И любя женщину своего народа, въ ея лицѣ мы пріобщаемся сокровенному лону Родины, мы видимъ ея скрытый ликъ, познаемъ его особымъ познаніемъ, мы «прикладываемся къ своему народу»**). Беатриче Данте — явленіе столь родственное Прекрасной Дамѣ Блока — поразительный примѣръ нерасторжимаго

*) Гильбертъ Порретаній — (Gilbertus Porretanus, 1076—1154) — замѣчательный мыслитель XII вѣка, одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей школы Шартрскаго платонизма. Онъ учитъ о формахъ, которыя являются промежуточными ступенями между Божественными идеями и тварнымъ міромъ при возникновеніи послѣдняго. Ту же промежуточную, посредствующую роль играютъ формы Гильберта Порретанія и въ познаніи. Концепція эта явно софіологическая.

**) Это выраженіе библейское и является мистико-натуралистическимъ опредѣленіемъ смерти на лонѣ родного народа.

органическаго оюза Родины и Эроса. Беатриче Данте даже является носительницей національных цвѣтовъ.

Выросшій изъ религіозно - эротическаго міросозерцанія среднихъ вѣковъ, рыцарскій идеаль тѣсно связываетъ доблесть съ любовью. — И доблесть является какъ вѣрность, то-есть — вѣчное служеніе вѣчному лику — (E tal che di comandare io la richiesi), какъ мужественное, стойкое пребываніе на стражѣ. Ибо рыцарь самъ защищенъ и можетъ защитить — спасти отъ вторженія чуждаго, хаотическаго, деформирующаго начала.

Такова связь военно - патріотической и религіозной доблести съ эротикой въ рыцарскомъ идеаль Западнаго Средневѣковья.

Россія не знаетъ своего Средневѣковья въ Западномъ смыслѣ этого слова, не знаетъ она и рыцарства. Беззащитной стоитъ она въ теченіе всего своего историческаго пути и поистинѣ является лишь богохранимой. Вся ея исторія есть сплошное страдальчество, такое страдальчество, котораго по глубинѣ и болѣзненности не знаетъ никакой другой народъ — если не считать древняго Израиля. Къ ней относятся слова 79 Псалма:

«Господи Боже силь! Доколѣ будешь гнѣвень къ молитвамъ народа Твоего? Ты напиталъ ихъ хлѣбомъ слезнымъ и напоилъ ихъ слезами въ большой мѣрѣ, положилъ насъ въ пререканіе сосѣдямъ нашимъ, и враги наши издѣваются надъ нами».

Поразительная беззащитность и незащищенность Россіи дѣлають то, что въ вихряхъ историческаго хаоса все время затмѣваются и искажаются ея прекрасныя, Богомъ данныя черты.

«Для чего разрушила ты ограды ея, такъ что обрываютъ ее всѣ, проходящіе по пути? Лѣсной вепрь подрываетъ ее и полевой звѣрь объѣдаетъ ее». (Пс. 79, 13-14).

Страдальческая беззащитность Россіи,

какъ основной мотивъ ея исторіи, переданъ Блокомъ съ необычайной простотой и силой въ одномъ мало извѣстномъ стихотвореніи «Коршунъ»:

«Чертя за кругомъ плавный кругъ,
Надъ соннымъ лугомъ коршунъ кру-
жить

И смотреть на пустынный лугъ.
Въ избушкѣ мать надъ сыномъ тужить:
«На, хлѣба, на, на грудь, соси,
Рости, покорствуй, крестъ неси!».
Идутъ вѣка, шумить война,
Встаютъ мятежь, горятъ деревни,
А ты все та-жь, моя страна,
Въ красѣ заплаканной и древней!
И долго-ль матери тужить,
И долго-ль коршуну кружить?».

Беззащитность Россіи связана еще съ одной очень тяжелой, страшной, мучительной особенностью ея историческаго пути — легкой воспримчивости ко всякаго рода искушеніямъ, соблазнамъ и навожденіямъ на томъ большемъ и открытомъ историческомъ пути, по которому совершалось ея страсотерпческое шествіе. Паденіями, самыми ужасными, отмѣчено многое множество лѣтъ ея исторіи и, кажется, не было такого нечистаго чародѣя, которому бы въ замороженномъ полуснѣ не внимало бы лоно Русской Земли.

Какому хочешь чародѣю
Отдай разбойную красу...
Пускай заманетъ и обманетъ,
Не пропадешь, не сгинешь ты
И лишь забота затуманитъ
Твои прекрасныя черты».

Русскій ликъ именно вслѣдствіе этого является многоликимъ, но сквозь эту многоликость просвѣчиваетъ сокровенная и недоступная развращенію и порчѣ красота.

А ты все та же: лѣсъ да поле
Да платъ узорный до бровей.

И все же, никакое другое лицо не обладает способностью переставать быть самим собой в такой степени, как русское лицо. Отсюда столь характерны формы русского бездонного падения и искажающего, безудержного угара. Его призрачные облики на фоне бушующей пурги даны Блоком в эсхатологической картине «Двенадцать». Зачарованная революционным колдовством Россия символизируется пьяной и разбойной любовью красногвардейца Петрухи, Ваньки и гулящей дѣвки Кати. Блок, вырастающий здесь до подлинно гениальных размеров, мощным творческим актом совершенно устраняет себя со своей лирической тоской. Он до конца вживается в тяжелые и мучительные образы, с которыми связана гибель периода русской культуры, выдвинувшей Вл. Соловьева, Блока и софитологическую тематику Прекрасной Дамы. Ангела Хранителя натуралистического, хотя и плѣнительнѣйшаго образа Руси-жены. Руси-невѣсты уже нѣтъ, черная дѣйствительность первичныхъ страстей, тонущихъ въ крови и въ страданіяхъ, — поглощаетъ въ своемъ темномъ хаотическомъ чревѣ и самого Блока. Изъ этого чрева должно родиться и уже рождается нѣчто новое, невиданное, связанное съ Россіей лишь мѣсторазвитіемъ да языкомъ. Рождается нѣчто вполне защищенное и бронированное. Блокъ былъ также беззащитенъ, какъ и дореволюционная Россія. Онъ, гениальный представитель русской интеллигенціи въ ея поэтическомъ взлетѣ, могъ лишь томиться по Прекрасной Дамѣ-Ру-

си, но не могъ ни защитить ее, ни удержать ее, «уходящую въ поля безъ воротъ». Онъ не былъ рыцаремъ Прекрасной Дамы и связанной съ ней интеллигентско-дворянской культуры. На немъ не было ни шлема, ни латы, не держалъ онъ въ рукахъ ни щита, ни копья, ни меча. Онъ самъ не былъ защищенъ и не могъ защитить своей Дамы.

Авторъ «Незнакомки» не могъ преодолѣть природно-космическихъ стихій, которыми былъ завороченъ въ своемъ воспріятіи натурально-женственного образа Россіи. Онъ могъ только томиться и исходить въ гениальной лирической музыкѣ. И словно про него, сказалъ Фетъ:

Въ усердныхъ поискахъ вотъ вотъ
Пріемлетъ тайна ликъ знакомый,
Но сердца бѣднаго полетъ
Кончается одной безсильною истомой.

Томленіе это дошло до высшихъ степеней смертной тоски, и Блокъ угасъ когда столбами дыма и языками пламени революціоннаго костра была поглощена томившая его плоть Прекрасной Дамы.

Съ наступленіемъ революціи тема Блока кончилась, и зарево революціоннаго пожара освѣтило гигантскій обликъ Достоевскаго, этого поистинѣ духовидца-пневматолога и великаго мужественнаго трагика, оказавшагося не плѣнникомъ, но хозяиномъ вызванныхъ имъ образовъ.

В. Н. Ильинъ.

Парижъ.
Декабрь 1930.

Пути Движенія и Россія*)

I.

Жизнь нашего Движенія становится съ

*) Настоящій очеркъ, какъ и послѣдующіе, непосредственно примыкаетъ къ моимъ статьямъ, посвященнымъ идеоло-

каждымъ годомъ сложнѣе и богаче, а въ то же время растетъ и «проблематика» Движенія, умножается количество тѣхъ гій Р. Х. С. Д. (См. «Вѣстникъ» за 1929 годъ).